

Улэйжо, естественно, был невероятно взволнован и счастлив. Поздним вечером в шатре он и мылся, и брился. Он привёл себя в полный порядок и специально надел ханьскую одежду, которую любил Красавец. Шёлковая ханьская одежда не грела, поэтому поверх он накинул толстую лисью шубу.

В полночь Красавец уложил Суриле спать, велел служанке присмотреть за ним и наконец вышел. По какому-то странному совпадению, он тоже был одет в ханьскую одежду лунного цвета, поверх которой накинул пушистую белую лисью шубу. Улэйжо, едва увидев его, почувствовал, как сердце ёкнуло. Яньчжи был слишком прекрасен, словно белый лисёнок, вышедший из ночи. Его лицо сияло, черты были изысканными и чистыми, каждый его взгляд и улыбка заставляли сердце Улэйжо биться чаще.

Улэйжо, взволнованный, схватил его за руку, посадил на лошадь. Он хотел прогуляться с Яньчжи вокруг царского двора. Под покровом ночи они взяли с собой лишь небольшой отряд охраны и тайком отправились на свидание.

Они долго ехали вдвоём на одной лошади, пока наконец не остановились. Красавец сидел позади Улэйжо, муж прикрывал его от холодного ветра, и он, покачиваясь на лошади, начал дремать. Когда луна достигла зенита, Улэйжо осадил коня, легко спрыгнул на землю и затем помог слезть Красавцу.

Они шли, держась за руки, по лугу, залитому лунным светом. На траве распускались редкие полевые цветы, наполняя воздух густым ароматом цветов и трав. Ночное небо было прекрасно, словно перевёрнутый сапфир, с яркой луной и рассыпанными звёздами.

Звёзды в степи казались ярче, чем в Лояне. Красавец, держась за руку мужа, наслаждался редкими моментами тишины и сладости. Они прошли немного, затем оба по молчаливому согласию остановились, обнялись и начали целоваться. Впервые Красавец почувствовал искреннюю симпатию к кому-то, кроме Ханьского императора. Он тоже понимал, что это неправильно, но просто не мог контролировать себя и не ласкаться с Улэйжо.

Улэйжо, страстно целуя его, не смог сдержать своих рук. Пальцы проникли под его шубу, лаская бёдра, лаская талию. Красавец, естественно, понимал, чего хочет муж, и начал расстёгивать одежду прямо перед ним. Улэйжо снова покраснел. Он расстелил на земле свою толстую лисью шубу, Красавец разделся и лёг на неё, а Улэйжо накрыл его сверху.

Они сошлись под открытым небом, наконец-то не стесняясь ребёнка, и движения их были особенно частыми и размашистыми. Красавец не выдерживал такой необузданной силы мужа, тот слишком любил его трахать. За эти несколько дней брака он почти каждый день им занимался. Улэйжо теперь уже стал весьма искусен в плотских утехах, умел дарить ему наслаждение. Тяжело дыша, он смотрел на его обнажённое белое тело в лунном свете и спросил:

— Ещё больно?

Красавец, прикусив губу, а запястья его были прижаты к бокам, слегка покачал головой. Улэйжо, успокоившись, начал двигаться сильнее. Красавец, глядя на его длинные чёрные волосы, уложенные в ханьскую причёску, невольно вспомнил своего брата, и ему стало очень стыдно. Он всё ещё хотел вернуться в Лоян, хотя бы чтобы узнать, хорошо ли живётся его брату, и взмолился мужу:

— Чаган...

Улэйжо, краснея, смотрел на него, тяжело дыша и продолжая двигаться.

Красавец попросил:

— Чаган, не мог бы ты передать письмо моему брату...

Улэйжо на мгновение замер, услышав печальную просьбу Красавца:

— Чаган, обещай мне.

В сердце Улэйжо вспыхнула невыразимая ярость и ревность. Он набросился на Красавца, заткнув ему рот:

— Не упоминай его!

Весь вечер Красавец был немного печален. Муж был страстен, любил его тело, обнимал, целовал снова и снова, лизал его. Его маленькое влажное лоно было довольно, анальное отверстие тоже было довольно, вот только сердце оставалось неудовлетворённым. Улэйжо мог дарить ему телесное наслаждение, но не мог восполнить душевную пустоту. Стоило ему лишь заикнуться о Ханьском императоре, как Улэйжо яростно затыкал ему рот, не давая говорить. Тело Красавца было удовлетворено, но он так и не смог выпросить у мужа обещание передать письмо Ханьскому императору, не говоря уже о том, чтобы тот отвёз его в Лоян посмотреть.

В этом Улэйжо сохранял удивительное единодушие со своим негодным братом — не позволял ему возвращаться в Лоян, даже думать об этом запрещал. Муж, наслаждаясь, сосал его сосок, а его член заставлял маленькое похотливое отверстие Красавца брызгать соками без остановки. Красавец, плача и стеля, сидел у него на бёдрах, его нижняя часть была насквозь мокрой — и от выделений, и от спермы, всё вытекало, не удерживаясь. Он был таким грязным, так испорченным своим мужем.

Закончив, Улэйжо оставил член внутри него, чтобы спать так. Красавец, сгорая от стыда и в то же время удовлетворённый, лежал, обнявшись с ним лицом к лицу, его маленькое лоно было заполнено до отказа. Красавец думал, что если провести с ним остаток жизни, живя вот так, то тоже неплохо. Но в сердце он всё равно не мог отпустить Ханьского императора, всё равно хотел вернуться и увидеть его.

Его плохой муж был настолько ревнив, что это было невыносимо. Оставалось только постепенно склонять его к своей воле, понемногу размягчать его сердце, чтобы тот сам согласился отвезти его обратно.

Всю ночь они проспали под открытым небом, их обнажённые тела обнимались, а лисья шуба и одежда, накинутые сверху, защищали от холода. Улэйжо, пока Красавец спал, снова занялся с ним любовью. Его жена стонала во сне, с наслаждением извиваясь задом, то называя его имя, то имя брата. Улэйжо от злости чувствовал боль в груди.

Он всё ещё не забыл своего брата. Когда он увезёт его в свой царский двор, он запрет его, не позволит сбежать обратно в Ханьский дворец.

На следующее утро Красавец во сне почувствовал, как Улэйжо поднимает его. Муж сам одевал его, завязывал обувь. Его маленькое похотливое лоно снова не было очищено, сперма стекала по голеням. Улэйжо, глядя на его промежность, заляпанную белыми потеками, чувствовал, как тело наливается жаром. Ему так хотелось запереть его в своём шатре, не давать ему одеваться и каждый день унижать его.

Красавец, сонный, сидел на лошади, обхватив талию мужа, пока тот вёз его обратно. Когда они вернулись в царский двор, уже совсем рассвело. У шатра Красавца снова стоял человек — опять Иэрдань.

Иэрдань держал в руках что-то вкусное и игрушки и, как дурак, смотрел, как его брат несёт Красавца на руках. Эти развратники снова провели безумную ночь.

Красавец, слезая с лошади, уже проснулся и теперь лениво обвил руками шею Улэйжо, с вызовом взглянул на Иэрданя и презрительно усмехнулся.

Этот маленький ублюдок, вырос, а негодные помыслы не оставил, всё мечтает жениться на нём, просто жаба, возжелавшая лебединого мяса. Он специально не даст ему никакой сладости, хочет заживо свести его с ума.

Сердце Иэрданя снова получило сокрушительный удар. Он едва сдерживал слёзы. Яньчжи слишком хорошо умел ранить его сердце — не бил, не ругал, а специально нежился с его братом, выводя его из себя. Он был словно шут, над которым смеётся весь царский двор.

Красавец специально несколько дней игнорировал Иэрданя, но не избегал его. Если тот просил встречи, он иногда позволял, но всегда под охраной.

Он говорил особенно жёстко:

— Убирайся.

— Выбрось свои вещи!

— Не смей трогать моего сына!

— У тебя вообще есть совесть?!

— Повторяю в последний раз, больше не приходи, каждый твой визит вызывает у меня тошноту!

— Я буду только с твоим братом, оставь свои несбыточные мечты!

— Меня от тебя тошнит!

— Не подходи! От тебя воняет! Проклятый татарин...

Слова лились, самые ранящие, какие только можно придумать. Главное — увидеть, как Иэрдань злится и бесится. Ведь охрана была рядом, и если этот ублюдок попытается сделать что-то не то, его избьют и вышвырнут. Эту охрану прислал Улэйжо, и Красавец пользовался ею с большим удовольствием, мечтая связать Иэрданя и избить до полусмерти.

Позже он уже совсем не скрывался от Иэрданя, ночами открыто оставался у Улэйжо. Они занимались любовью в шатре до беспамятства, а его брат слушал снаружи. Пусть поскорее оставит свои надежды и убирается в свои земли.

Фуло тоже несколько дней выжидал, чувствуя, что уже пора, и терпение его брата, должно быть, уже истощилось от Яньчжи. Он приготовился снова собрать всех для примирения.

На пиру Красавец и Улэйжо сидели вместе, демонстрируя нежность и любовь. Шаньюй тоже высказался, велел Улэйжо отдать брату большой кусок своих владений и добавить к этому

красавиц. Улэйжо, естественно, не возражал, на месте выразил согласие отдать земли и приказал слугам ввести подготовленных красавиц для представления.

<http://bllate.org/book/16253/1462210>